

Сегодня — девять дней со дня смерти великого композитора

БЕЗ РОЗОВЫХ НАДЕЖД

Независимая газета. — 1998. — 12 авг. — с. 7

Григорий Цитриняк

...УДАРНИК замер, воздев тарелки к небу.

— Откуда здесь удар? — удивился дирижер.

— Я вписал его потом, — сказал композитор.

— А это секко-удар или, — дирижер раскинул руки, словно хотел обнять сразу весь оркестр, — или «ах!»?

— Это секко, но очень громко.

Совершенно непонятный для непосвященных разговор происходил 20 ноября 1988 года, когда Государственный оркестр Министерства культуры СССР под управлением его главного дирижера Геннадия Рождественского репетировал в присутствии автора Пятую симфонию Альфреда Шнитке.

— Здесь какие трели? — спросил оркестрант.

— Какие трели в седьмой цифре? — переспросил дирижер.

— Четвертьтоновые, — уточнил композитор.

— А во второй у валторны меццо-пьяно?

— Лучше форте.

— А тут мертвая зона, — не унимался оркестрант.

— Значит так, — дирижер повернулся к оркестру, — первое «ля» — половинка, вступающая на первую долю. Потом — та-ра-та та та там. И боюсь...

— Что — «боюсь»? — не выдержал паузы оркестрант.

— Боюсь, что антракт, — добавил Рождественский под общий хохот, и все разбрелись кто куда.

У клавиша странно получилось в правой руке, — сказал в перерыве Альфред Гарриевич, — не «до», а «ре», и вышла не секунда малая, а малая септима.

— Поправим, — отозвался Геннадий Николаевич.

То был, напомним, третий год перестройки. Прошел ее пик — 1987-й, эйфория весны 85-го на фоне болтовни генсека и отсутствия реальных дел начала понемногу улечиваться, но искры надежд все еще взлетали.

Музыканты удивлялись недавним заявлениям руководителей Союза композиторов страны о том, что во времена ежовщины никто из коллег не пострадал, и тут же, «навскидку», вспомнили несколько имен тех, по кому прошла коса 37-го и кого еще недавно вспоминали было нельзя: Александр Моисеевич Веприк, композитор;

Дмитрий Ганев, музыковед;

Николай Сергеевич Жияев, композитор...

Продолжить мартиролог не дал администратор: он подошел и выразительно постучал пальцем по часам на руке.

Репетиция продолжилась, потом, естественно, подошла к концу. Оркестранты уехали, забрав свои инструменты. Остались только барабаны «громкого боя» и девять потертых жизнью контрабасов.

— Инструменты — проблема, — сказал, заметив мой взгляд, Рождественский. — Наши — плохого качества, на импорт нужна валюта. Где взять?

Сказано 10 лет назад, но как будто — только что.

А потом говорили долго и о многом.

Сегодня, когда не стало Альфреда Шнитке, бывшие руководители тароваты на рассказы о том, как всегда привлекали они гения. Увы, изменилась тактика, но не стратегия, как выражаются штабисты. Пророков уже не побивают камнями, не режут деревянной пилой, не заставляют пить цыкуну. О ГУЛАГе достаточно известно. Но и в пору расцвета застоя мало что изменилось, разве что не ставили к стенке. Как и прежде, неудобным очень родная советская власть не давала снимать и ставить, издаваться, выставляться, исполняться. Мне уже приходилось писать, но не грех еще раз напомнить, о чем говорилось в тот ноябрьский день десять лет назад.

Признаться, я не случайно

Редкий кадр: смеющийся Шнитке.

привел разговоры на репетиции, непонятные для непрофессионала. Наверняка их не поняли бы и те партийные функционеры, которые, так сказать, руководили музыкальным искусством. Но ведь были и профессиональные руководители-музыканты. Казалось бы...

— Можно сейчас пойти и купить сочинения Шнитке, Губайдулиной, Денисова? — спросил я. Ответы оказались такими:

Геннадий Рождественский: На мой взгляд, нет. Что говорить, если из пяти симфоний, созданных таким громадным композитором, как Шнитке (вы не забыли, что это было сказано в 1988 году? — Г.Ц.), в Советском Союзе была напечатана маленьким тиражом только Четвертая, которая мгновенно разошлась.

— А какие ваши сочинения опубликованы у нас?

ложении находятся и мои коллеги Денисов и Губайдулина. Сочинения их известны и напечатаны во многих странах, но я почти не встречал их в наших нотных магазинах. И пластинок нет. Так продолжается много лет.

Г.Р.: На протяжении всей своей деятельности мне, например, приходилось сталкиваться с сильнейшим противодействием желанию исполнять выдающиеся сочинения советских композиторов.

— Например?

Г.Р.: Сопротивление вызывали Четвертая симфония Шостаковича, Вторая симфония Прокофьева и множество других его сочинений. Все без исключения сочинения Шнитке. Достаточно вспомнить кантату «История доктора Фауста»: мне не разрешили исполнить ее у нас, впервые она прозвучала в Вене. А люди, кото-

рый Шнитке, Губайдулиной и Денисова. Чем хотел — как вам сказать?... — заявить о своей позиции. Во дворе Большого зала консерватории была вывешена афиша с программой, несколько дней продавали билеты. После чего мне позвонил замминистра культуры СССР и сказал, что запрещает играть эту программу. К счастью, я успел сфотографироваться на фоне этой афиши. (Смех.) С большим трудом удалось уговорить замминистра утвердить программу из произведения Шостаковича и Прокофьева, после чего он сказал: «Ну, это еще куда ни шло...» Таких примеров — десятки, и нельзя сказать, чтобы они никак не отразились на всех нас.

А.Ш.: Я прошел через множество вещей, которые могли бы остановить работу. Я мог прекратить сочинять музыку. Я склоняюсь к тому, что это было очень долгое испытание, которое продолжается у каждого человека всю жизнь. Меняется уровень сопротивления, но я его продолжаю ощущать и сегодня. Это все новое и новые препятствия, по-разному выглядящие, по-разному персонализированные. Десятилетиями то, что я сочинял, отвергалось Министерством культуры и Союзом композиторов.

— Вам объясняли, почему?

А.Ш.: Всегда находилось что-то... Что сочинения страдают теми или иными недостатками — какими угодно. Что они пессимистичны, поверхностны, несамостоятельны. Или что...

Г.Р.: ...не на ту тему написаны.

А.Ш.: Да. Всегда находились частные объяснения, из них складывалось целое десятилетие. Я думаю, что так — у многих моих коллег. Но на колени мы не встали. Я еще думаю, что человек, который займется исследованием всего, что было, по его мнению, несправедливо по отношению к нему раньше, он увязнет в самом себе. Но он должен перешагнуть через эту ситуацию. Забыть о ней.

— Сказать легко. А вы можете о ней забыть?.. Вы лично?

А.Ш.: ...Нет.

Г.Р.: И я — нет.

В тот день касались и многих других тем, но это уже другой сюжет...

В последний раз довелось говорить с Альфредом Гарриевичем накануне нового, 1990 года. Тогда он сказал:

— Неизбежно повторяется одно и то же: решение сегодняшних проблем есть постановка новых. Это как в истории с драконом: отрубишь одну голову — вырастают две новые. Вот прямо сегодня, немедленно.

— Ваши тревоги связаны с чем-то конкретно?

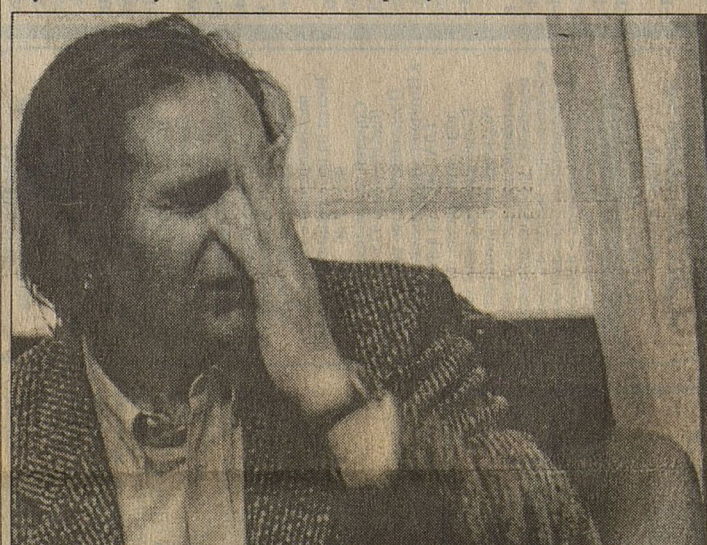
— Со многим, начиная с еды у народа, доходя до самых важных. Под Новый год полагается делать прогнозы, но я испытываю большую осторожность при разговорах о предполагаемом, о чем-то, что еще не случилось. Не надо чрезмерно уповать на то, что был тяжелый год, а теперь с Нового все пойдет замечательно.

Вот уже года полтора как Ростропович восстановлен членом Союза композиторов, а гражданином не восстановлен. Сейчас речь идет о новом законе — о восстановлении гражданства всем диссидентам. Меня очень озаботила одна деталь: что они будут восстановлены после полужизни их заявлений. Как же люди, которые не писали заявлений, чтобы их выслали, теперь должны подавать заявления, чтобы им разрешили вернуться? Это превращается в очередной фарс, извините меня. И я опасюсь, что новый закон вызовет очередное раздражение у многих людей, в частности у Ростроповича, и он будет абсолютно прав. В данном случае я целиком на его стороне.

И вот почему у меня нет розовых надежд на просветляющий гуманизм в нашей стране.

...Тогда, в декабре 1989-го, великий наш современник перенес уже три инсульта.

Последний, четвертый, догнал его уже на чужбине...

— Что они делают? — Композитор недоволен.

Альфред Шнитке: Ну, несколько...

Г.Р.: ...из огромного каталога.

А.Ш.: Он в основном состоит из сочинений, напечатанных в других странах.

Г.Р.: Не говоря уже о том, что ни одно не было куплено государством.

А.Ш.: Нельзя сказать «ни одно», но можно сказать, что примерно два.

Г.Р.: Но ведь и написал ты тоже не три?

(Смех.)

А.Ш.: Могу сказать совершенно точно... Куплены три... может быть, из тридцати крупной формы.

— Первая симфония написана лет двадцать назад?

А.Ш.: Шестнадцать. С ней такая история: до сих пор нет ни пластинок, ни нот.

Г.Р.: А ведь она записана.

А.Ш.: Записана. Я три раза обращался по поводу приобретения этой симфонии, ответа нет. А когда обращались зарубежные издательства, они получали отказ. Я думаю, простите, что в таком по-

рые запрещали, живы-здоровы. И до сих пор руководят.

(Замечу в скобках, летом того же года я спрашивал Геннадия Николаевича, насколько профессионалы запретители. Тогда он ответил:

— Судите сами. В мае 1980 года по требованию Госконцерта СССР я представил программу своих концертов за рубежом на целый сезон: «Иначе не получите загранпаспорта!» Мне позвонили: «Список утвержден». А там было шесть несуществующих сочинений, включая Четвертый концерт для флейты с оркестром Бетховена — ни одного такого концерта у него нет. В «шведский» список я включил Русскую увертюру Дебюсси. Госконцерт опять утвердил, после чего мне телеграфировал импресарио из Швеции: «Ты с ума сошел?» — потому что Дебюсси ничего подобного не писал. Такие профессионалы...)

Вернемся к нашим баранам. Когда шесть лет назад был создан Оркестр Министерства культуры СССР, для первого концерта я выбрал программу из произведе-

Альфред Шнитке и Геннадий Рождественский. Фото автора